

Кувшинура. - 1995. - 4 нояб. - с. 9.

Свой среди своих

ПРОФЕССИЯ: РЕЖИССЕР

Борис ПОЮРОВСКИЙ

В наши дни бесконечных катастроф и презентаций сам по себе факт театральной премьеры, к сожалению, перестал быть событием, если, конечно, у премьеры не сыщется богатый спонсор, который не пожалеет средств не только на постановку, но, главное, — на шумную, назойливую рекламу. И непременно на шикарный банкет: это сладкое слово — халява! И в политике, и в искусстве, увы, тоже...

Поэтому театры, у которых туго со спонсорами, из кожи лезут вон, чтобы хоть как-то свести концы с концами. И при этом еще должны **делать вид**, будто у них все прекрасно. Даже если на самом деле оно так и есть — вот ведь в чем парадокс!

Я же хочу рассказать о театре, который работает без помпы: в Российском молодежном с помпой как-то вообще ничего не делается. То ли от неумелости, то ли по принципиальным соображениям. К примеру, летит труппа на гастроли в другую страну, пусть даже и в США. Спектакли получают прекрасные отзывы в тамошней прессе, а у нас в газетах об этом ни гугу, полная тишина. Это пусть другие перетягивают центральные улицы сомнительными транспарантами, где большими буквами печатают фамилии кинозвезд, совсем, как на Бродвее. Художественный руководитель и директор Российского молодежного Алексей Владимирович Бородин просто много и честно трудится. Кому это не нравится, могут выбирать себе другой путь. Ос-

тальные продолжают вместе с ним строить свой театр.

Долгие годы этот театр именовался Центральным детским. Ныне здесь решили сменить вывеску. Но программа и репертуар не изменились.

Ученик Юрия Александровича Завадского, после завершения учебы в ГИТИСе Бородин уехал в провинцию, где фактически завершил свои университеты, став вполне самостоятельным, тонким художником. Пятнадцать лет назад его пригласили в Москву возглавить Центральный детский театр после того, как этот некогда, особенно в 50-60-е годы, любимый многими коллектив переживал не лучший свой период. Уже давно не было здесь М.О.Кнебель и А.В.Эфроса, какое-то время театр вообще обходился без главного режиссера. Правда, иногда сюда приглашали людей со стороны, но настоящего романа ни с кем из них не случилось. Какие-то актеры перешли в другие коллективы, другие состарились, а третьи и вовсе покинули этот мир...

Складывалась достаточно типичная для многих наших театров ситуация, когда повсеместное стационарирование, введенное еще в 1936 году, из блага постепенно превратилось во всеобщую беду: уволить никого нельзя, но и поставить "Ромео и Джульетту" тоже невозможно, ибо все артисты могут играть только родителей или в крайнем случае кормилицу, хотя на самом деле по возрасту им бы больше подошли уже роли бабушек и дедушек.

Бородин явился в Центральный детский театр без

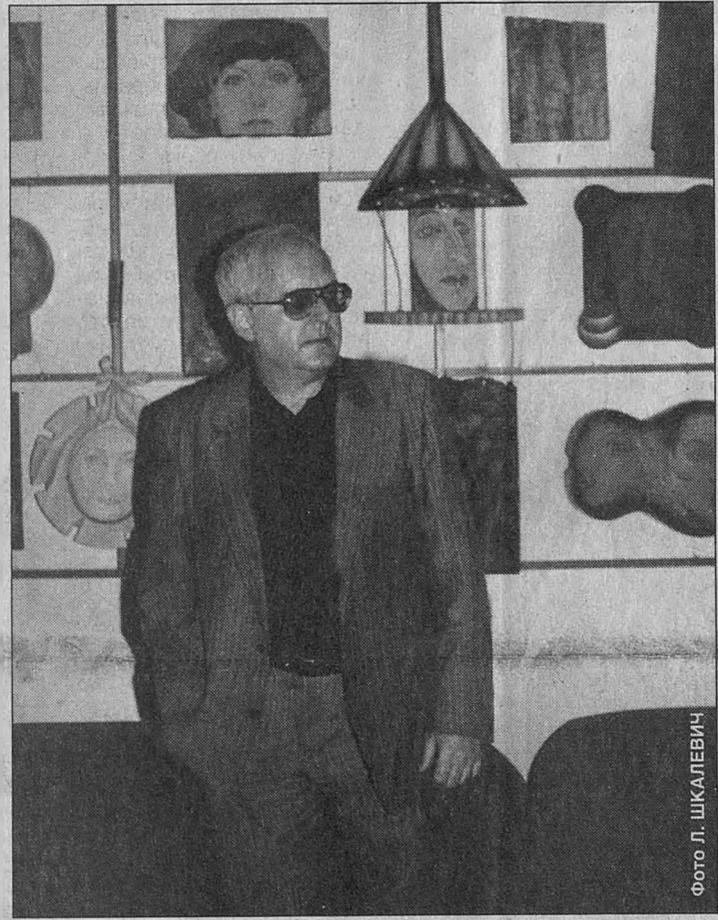

Фото Л. ШКАЛЕВИЧ

всяких предварительных условий. Он не стал никого увольнять и привел с собой на действительно вакантные должности художника Станислава Бенедиктова и режиссера Елену Долгину, на которую по совместительству возложил обязанности заведующей литературной частью. Никто не читал его программных заявлений и манифестов ни тогда, при вступлении на трон, ни позднее. Да и критика отнеслась к появлению Боро-

дина не то чтобы без особого энтузиазма, скорее, с привычным безразличием: "Одним бароном больше, одним меньше — не все ли равно", — как говаривал чеховский доктор Чебутыкин.

А этот "барон" Бородин с первых же дней начал трудиться в поте лица. Для дебюта выбрал "Трех толстяков" Юрия Олеши. Результат не стал театральной сенсацией, но все же то был определенно положительный опыт.

Затем Бородин привлек к работе известного журналиста Юрия Щекочихина и вместе с ним сочинил два острых спектакля о современных подростках.

Но главную ставку Бородин сделал на классику: "Баня" Вл.Маяковского, "Фауст" Гете, "Отверженные" Гюго, "Король Лир" Шекспира, "Береника" Расина, "Звездный мальчик" Уайльда, "Капитанская дочка" Пушкина, "Том Сойер" Твена, русские водевили, пьесы А.Н.Островского.

При этом далеко не все спектакли Бородин ставил сам. Он охотно уступал место за режиссерским столиком Анне Алексеевне Некрасовой, Евгению Фридману, так рано ушедшему из жизни безусловно талантливому человеку, Елене Долгиной, Геннадию Печникову, Юрию Еремину, Владимиру Богатыреву.

Точно так же он ведет себя и в Студии при театре, которая существует на правах своеобразного филиала ГИТИСа. Первый ее выпуск полностью и без особых проблем уже влился в основной состав труппы. Во второй Студии пока еще идут занятия, но студийцы принимают участие во многих спектаклях театра, и, надеюсь, их постигнет та же счастливая участь.

Однако удивление вызывает не судьба молодых, а общая ситуация в театре, где никто ничего не делит, не рушит, не склочничает. Где, напротив, все заняты исключительно созидательным трудом во имя Театра. И в этом тоже безусловная заслуга Бородина, который за эти годы сумел объединить вокруг себя людей разных, с разной судьбой, со своими болями и радостями. Сегодня он безусловно всеми признанный лидер Молодежного театра. Но так было не всегда. Бородин не завоевывал, а заслужил свое положение лидера. Согласитесь, это не одно и то же.

Думаю, изменилось не

только отношение окружающих к Бородину. Изменилось и собственное отношение Алексея Владимировича к другим людям, с которыми его свела судьба. Оно-то и проявилось в тот момент, когда тайным голосованием Бородин избрали единоличным хозяином дела. Да, конечно, не будь рядом с ним такого преданного и бескорыстного человека, как директор-распорядитель Михаил Осипович Яновицкий, свыше полувека отдавший Центральному детскому, не будь многих других, как знать, чем закончилась бы эта очередная эпопея с приглашением "человека со стороны"? Как знать...

Недавно Алексей Владимирович доверительно признался мне: "Знаете, чего я больше всего боюсь? Как бы не свалились сразу, вдруг все "старички". По совести, я прежде и не подозревал, как они необходимы театру. Они есть его основание, фундамент. Без них — во всяком случае, пока не подрастут молодые, — ничего хорошего не получится. "Старички" не просто охраняют традиции. Они берегут дом, в котором прожили жизнь. Он дороже им собственного благополучия. Разве это не чудо? Шапки долой! — так и хочется крикнуть на всю театральную площадь".

Ну что же, если хочется, крикните! А можно и промолчать, удержаться от внешнего проявления эмоций, как вы это делали не раз, уважаемый Алексей Владимирович. Пусть не на словах, а в вашем тонком, благородном, чело- вечном искусстве проявятся подлинное отношение к жизни, собственный взгляд на мир, в котором мы живем, где будут жить наши дети и внуки.